

УДК: 811.512.1`373.21

Г. К. Чаукерова, К. К. Койше, Г. М. Ниязова

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЮРКСКИХ АНТРОПОНИМОВ В РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

Статья рассматривает витальность имен и стратегии номинации у коренных народов России, проживающих в полиэтничной зоне российско-казахстанского приграничья. Авторы приводят собственные полевые материалы, свидетельствующие об эволюции антропонимии сибирских казахов, чья языковая деятельность идет стихийно без поддержки государства. В статье приводятся данные опросов в динамике, отражающие витальность казахского этноса в целом. Авторы поднимают проблемы витальности имен в иноэтничной среде.

Ключевые слова: российско-казахстанское приграничье, антропонимия, сибирские казахи, витальность языка, толерантность, этнос, выбор имени.

G. K. Chaukerova, K. K. Koyshe, G. M. Niyazova

THE PECULIARITIES OF THE TURKIC ANTHROPONIMS IN THE RUSSIAN-KAZAKH BORDER AREA

This article reflects the field research on the language of the authors of Siberian Tatars and Siberian Kazakhs in Russian-Kazakh border areas. The authors conducted socio-linguistic surveys in 2005–2008. These interviews show how the language of Siberian Kazakhs viable in an aggressive foreign language environment. Studies have shown that the level of native Kazakh language is declining among Russian Kazakhs despite the border and close contact with the Kazakhs in Kazakhstan. The authors interviewed 177 ethnic Kazakhs; they represent different social sections of the population. Modern anthroponomy of Siberian Kazakhs reflects trends of return to their own ethnic roots (names like Mergen shock Sandugash and others), the use of so-called international Islamic names (like Marat, Rashid, Azat and others), borrowed from European languages

(like Diana) changing the name (such as: Galia – Galya, Kenesary – Nicholas, Kuralay – Kate and others). The authors note the variability fixing Turkic names in Russian because of the lack of specific signs to indicate the unusual sounds of Russian. The authors emphasize the tolerance of Siberian Kazakhs to Russian population as Siberian Kazakhs used in the Russian language and culture unique Russian “analogues” of their own ethnic names. However, this phenomenon says about the closed nature of the Siberian Kazakhs.

Keywords: Russian-Kazakh border areas, anthroponomy, Siberian Kazakhs, language vitality, tolerance, ethnic group, naming.

Полиэтничность региона влияет практически на все современные проблемы любого российского региона, которые можно в полной мере оценить и понять только в контексте его исторического развития, характера освоения его территории титульными этническими группами. Например, основная масса сибирских татар и сибирских казахов проживает на юге Тюменской области, а часть – в отдельных районах Омской, Новосибирской, Томской областей, где они являются коренным населением [5, с. 48]. Сибирские казахи рассматриваются нами как этнические группы коренного населения, а не мигранты. Проживают они в таких районах Тюменской области, как Голышмановский, Сладковский, Казанский, Ишимский, Упоровский, Тюменский и др. Поэтому сама проблема сохранения себя как представителя того или иного этноса в полиэтничном регионе становится особо актуальной. Культура каждого народа обеспечивает основу коллективной идентичности и передается с помощью главного ее носителя – языка. Подход к проблеме изучения языка как основы сохранения культуры казахского населения с позиций одной из областей знания мало оправдывает себя. Решение этой проблемы возможно при междисциплинарном подходе, основанном на системном анализе с привлечением концептуального аппарата социологии, философии, культурологии, этнографии, истории и других дисциплин.

Родной язык для татар и казахов Западной Сибири в настоящее время прочно служит средством внутриэтнического общения, его использование можно наблюдать в основ-

ном в семейно-бытовой сфере. На первом этапе исследования, в 2005 году, для изучения позитивных и негативных тенденций формирования культуры казахских диаспор, проживающих на юге Тюменской области, был проведен анкетный опрос, в котором приняло участие 177 человек, среди них 73,0% мужчин, 27,0% женщин. В сфере обслуживания заняты – 5,3% респондентов; культуры – 2,3%; дошкольного и школьного образования – 4,1%; здравоохранения – 8,8%; в органах власти – 3,5%; на транспорте – 9,4%; в строительстве – 1,1%; системе связи – 4,7%; в коммерческих структурах – 1,7%; в сельском хозяйстве – 14,1%. Кроме того, среди опрошенных 7,6% составили студенты, 4,7% – пенсионеры, неработающие составили 11,1% от общей численности опрошенных. На втором этапе исследования, в 2006 году, изучались ценностные ориентации населения полиэтничного провинциального города. На вопрос «Какой язык лучше всего знаете?» около пятой части опрошенных (19,0%) ответили, что лучше всего знают казахский язык, чуть более четверти опрошенных – русский язык, а каждый второй (50,6%) ответил – родной и русский. Вызывает тревогу то обстоятельство, что более четверти казахов (28,7%) ответили, что лучше всего знают русский язык. Казахский язык был языком детства только для 29,4% респондентов. Одновременно только каждый четвертый участник анкетного опроса указал, что дома общается на казахском языке. Причем на работе число общающихся на казахском языке еще меньше в три раза – 7,0%.

В производственной сфере, то есть на работе, большинство представителей казахского населения вынуждены говорить только на русском языке. Вызывает тревогу то обстоятельство, что более половины опрошенных казахов (69,5 %) научили или собираются научить своих детей русскому языку [6, с. 21].

Таблица 1

Ответы респондентов на вопросы, связанные со знанием языка, в процентном соотношении к общему числу ответивших

Вопросы	Язык		
	Казахский	Русский	Казахский и русский
Какой язык лучше всего знаете:	19,0	28,7	51,8
язык детства	29,4	17,1	53,5
язык, на котором говорите дома	22,5	18,5	58,9
язык, на котором общаетесь на работе	7,0	68,0	25,0
Какому языку научили или собираетесь научить своих детей?	15,5	69,5	14,9

В области существуют татарские школы, татарский язык и татарская литература преподаются в Тобольском государственном педагогическом институте им. Д. И. Менделеева, на региональном телевидении ведется татарская программа «Очрашулар», выпускаются газеты на родном языке [9, с. 13]. Все это способствует сохранению и развитию родного татарского языка. Родной язык сибирских казахов утрачивается в среде молодого поколения. Чаще всего речь казахов, особенно в городе, одновременно состоит из русских и, реже, казахских слов. Кроме того, длительные устойчивые контакты казахов Тюменской области с сибирскими татарами, близкими казахам по языку, способствовали проникновению в язык сибирских

казахов слов из сибирско-татарского языка [5, с. 30–42]. Так, на юге Тюменской области 70 % казахов русским языком владеют лучше, чем казахским, 25 % владеет языками в равной мере, и лишь 5 % владеют только казахским, но, тем не менее, и те, и другие относят себя к казахам. В то же время сохранение родного языка можно наблюдать в сибирско-тюркской антропонимии, исследование которой вносит вклад в развитие методологических подходов к изучению тем схожего характера [4].

Сибирско-тюркская антропонимия сложилась в результате двух взаимонаправленных процессов: 1) внутри этноса, 2) вне этноса. В связи с характерным для сибирских татар и казахов би-, полилингвизмом сформировалась специфическая антропонимическая система. Соответственно, проживание татар и казахов в Западной Сибири – территории со сложным этническим составом населения – привело к активным культурным взаимовлияниям, языковым изменениям [3, с. 117]. Особенно ярко они выражаются в официально-деловых обращениях к представителям тюркских диаспор на предприятиях, в школах, вузах, детских садах. Очень часто мы встречаем тюркскую фамилию, но русские имя, отчество. Например, Елембаев Сергей Николаевич (директор), Кудайбергенова Татьяна Савельевна (учитель), Садуб Алла Яковлевна (бухгалтер), Галеева Гуля Владимировна (учитель). В семьях иная картина, у всех есть собственное имя на родном языке, которое обязательно имеет прямой перевод, обозначает качество характера: Темирхан – темир означает железо, а значит, прочность; Есен – здоровый.

Женские имена соотносятся с красотой, изяществом, грацией: Нурсулу – компонент нур в переводе с тюркского означает луч, сияние, блеск, луч света; сулу – красавица; Лязат – наслаждение, сладость, удовольствие; Майнур – майский луч (май – «масло» + нур

«луч», метафора: самый свежий, красивый, цветущий месяц), Шолпан, Чулпан – утренняя луна. Имена, образованные от призывов к животным, также отличаются необычностью и красотой: Арыстан, Арыслан – лев, Карлыгаш – ласточка, Ботагоз – верблюжья глазки, Сандугаш, Сандугач – соловей и другие.

Иногда имена даются в качестве определения возраста отца на момент рождения ребёнка или выражают пожелание долгой жизни ребёнку и его семье: Елюбай – 50, Алпыспай – 60. Во многих случаях имена отдавали дань некоторым обычаям и традициям. В семьях, где часто умирали дети, новорожденным независимо от пола давали имя Толемис – возвратившийся, извлеченный. Конечно, среди имен тюменских татар и казахов можно встретить и заимствованные имена из русского и других языков. Особой популярностью пользуются такие имена, как Татьяна, Ольга, Дарья, Антон, Андрей, Роза. Очень часто в обоих языках встречаются *общие* имена, характерные как для татарского, так и для казахского антропонимикона: мужские – Рашид, Ринат, Азат, Рустам, Булат, Марат, Дамир; женские – Диана, Динара, Дина, Эльмира, Гуля и другие [10, с. 14]. Подавляющее большинство тюркских имен имеют определенное значение: Алма – яблоко, Темир – железо.

Как и каждый народ, тюменские казахи используют различные сокращенные имена, форма которых образована вычитанием конца имени и прибавлением «ш» или «кен»: Каир – Каиркен, Курмаш – Курмашкен, Айнагуль – Айнаш, Сарсенбай – Сакен. Родители, родственники и старшие члены семьи традиционно используют в обращении к детям имена, связанные с названиями молодых животных: Ботам – верблюжонок, Козим – ягненок.

Проживание тюркских народов на территории Тюменской области непосредственно среди русского населения наложило свой отпечаток в формировании антропонимикона.

Например, искажение норм казахского языка в именнике связано со звуковым расхождением двух языков, в частности, отсутствием некоторых гласных и согласных в русском языке, характерных для казахского языка: Злика – Злиха, Дарика – Дариха, Габдолла – Габдулла, Жбек – Жибек, Когаршин – Кугаршин, Багдат – Бахдат и др.

В документах Тобольской губернии среди 58876 фамилий встречаются повсеместно и фамилии местных тюрков с указанием этнической и социальной принадлежности: **Егоров Иван Васильевич** – калмык по происхождению, мещанин; **Иванов Пётр** – конный казак инородческой литвы; **Азисов Илья** – новокрещеный (татарин), проживавший в Тюмени; **Алашатуров Бажен** – служилый татарин; **Алгазина Анна** – рабочая спичечной фабрики; **Алемасов Прон** – казак станицы литвы и прочих инородцев [4, с. 18]. Счетчики Михаил Ренев, Яков Медведев, Никифор Пагадаев и другие, возможно, записывали имена приближенно к произношению тех, кто называл их. Специфика фонематического слуха русских счетчиков не позволяла фиксировать нюансы тюркского слова на письме, поэтому возникали искаженные варианты записи, которые впоследствии приводили к различным несуразностям в документах разного времени: **Апшанов Салут Атшанович** (около 1784 – ?) – сын казака **Атшанова А. А.** (1799 – ?), **Асланин – Арланин, Ачекматов Майтмас – Азикматов Маатмас, Ижболдин Дмитрий Григорьевич – Ишболдин**. Этот процесс наряду с другими наглядно иллюстрирует процессы взаимодействия татарской и русской антропонимических систем [4, с. 14].

Однако тщательный анализ метрических книг и иных документов позволяет сделать несколько иные выводы. Пополнение русского фонда тюркскими фамилиями, равно как и обогащение тюркско-татарского фонда русскими фамилиями и именами в большей степени было связано с изменением веро-

исповедания. Как отмечают исследователи, «в Тобольской семинарии, открывшейся в 1743 году по указанию Священного синода, существовал класс татарского языка» [4, с. 18]. Антропонимическая конструкция в этом случае может состоять: **а) тюркско-татарская фамилия (предков) + новокрещеное имя по святцам + отчество по имени родного отца (ТНТ)** – Дашков Богдан Бетюкович – князь, один из основателей Тюмени (1586); Азисов Илья – новокрещеный (татарин), проживавший в Тюмени (1907); Бакшеев Илья – голова служилых татар (1632, 1641, 1649, 1656), воевал с калмыками, сын боярский (1644–1650), приказчик Невьянской слободы (12.1644–12.1646), один из участников бунта против воеводы Елдезина (1654); **б) тюркско-татарская фамилия + новокрещеное имя по святцам + отчество по имени крестного (ТНК); в) полностью новая фамилия (русского происхождения) + имя по святцам + имя по крестному** (формула в этом случае может совпадать с русской конструкцией, разъяснения находятся лишь в источниках о смене фамилии, имени и отчества в связи с изменением вероисповедания) **(РНК); г) полностью новая фамилия (русского происхождения) + имя по святцам + имя по крестному имени отца** – Башарин Пётр Михайлович (около 1726 – 1816) – сын торговца Башарина М., купец (1753, 1761), владелец кожевенного завода (с 1753), счётчик питейной суммы (1754), словесный судья Ирбита (1759), выборный в (винном?) подвале (1761), владелец дома на Зареке (1761), торговал на Сибирской и Оренбургской линиях (1760-е), купец (1770), занимался шелководием (1770), смотритель неуказных торгов (1773), купец 2-й гильдии (после 1775, 1789–1791, 1794–1816), словесный судья (1778), владелец кожевенного завода (с 1791, 1808, 1809), купец 1-й гильдии (1794, 1795), купец (1804, 1812), владелец салотопни (1808), владелец самого крупного в Тюмени

кожевенного завода (1809), купец 3-й гильдии (1816), мастер кожевенного дела (1815), объявил капитал 8. 100 рублей (1816). Такие антропонимические конструкции составляют свыше 25 %. Особенно ярко последние две конструкции перехода татар в русские прослеживаются при анализе одной семьи. Например: **Ембаев Батыр** (1737 – ?) – служилый татарин, поступил на казацкую службу в 1747 году, ушёл в отставку (1770). **Ембаев Георгий Андреевич** – проживал в Таре? (1891?), коллежский ассессор (1900–1901), помощник акцизного надзирателя по Берёзовскому уезду (1900–1902), надворный советник (1902), гитарист, руководитель оркестра балалаек, сотрудник Афромеева А. М. (1910-е), проживал в Тюмени (1913–1914), член Обдорского миссионерского братства имени Святого Гурия (1913–1914). **Ембаев Модест Георгиевич** (21.08.1891 – ?) – уроженец Тары, сын чиновника (Ембаева Г. А.), подавал прошение на поступление в I класс АРУ (принят, 1901), получил аттестат об окончании основного курса АРУ (06.1909); **Тилвин Ефрем** – новокрещеный из татар, казак станицы литвы и прочих инородцев (1646). В этой связи закономерным будет вопрос о классификации русского и татарского фондов антропонимов в Тобольской губернии, а позже и в Тюменской области [4].

В конце XVI века русские настолько сблизались с татарами, что «даже не чуждались браков с ними» [4, с. 114]. Эти тесные контакты обогащали именник сибирских казаков. Из разных отписок тобольских воевод видно, что «русские крестьяне ходят в инородческие юрты, а инородцы посещают русские деревни, вместе ... играют в зернь и в карты, инородцы говорят русским языком и всякому русскому обычаю навычны» [там же, с. 116]. В 1632 году московский патриарх Филарет писал сибирскому архиепископу Киприяну: «Ведомо нам учинилось... что в сибирских городах многие служилые и жи-

лецкие... русские люди с татарскими и с остяцкими, и вогульскими ... женами смешаются» [4, с. 90–91]. В случае принятия православия происходила не только смена фамилии, имени и отчества, но и постепенная смена национальной картины мира, что способствовало обрусению тюрков и полной ассимиляции в конечном итоге. Поэтому отголоском этих процессов остались лишь татарские фамилии у современных русских нашего края, да и некоторая антропологическая специфика внешности. Эти явления, на наш взгляд, отражают «механизм самоидентификации личности в культуре» [1, с. 28], позволяя говорить об уровнях толерантности в различных языковых средах, которые формируются при непосредственном участии выпускников вузов культуры и искусств в обществе «Знание» и национально-культурных обществах в целом [7, с. 139]. Иными словами, межэтнические установки, ориентация на межгрупповые контакты в разных сферах взаимодействия тесно связаны с соответствующими стратегиями межэтнического взаимодействия. В такой сложной межэтнической обстановке происходит формирование языкового и речевого поведения как местного тюркского населения, так и прибывающего из стран ближнего зарубежья. Культура межнационального общения – уважение к людям других национальностей, доброжелательность и чувство коллективизма, готовность прийти на помощь человеку любой национальности. Изучение этносоциальных особенностей психики людей в этногруппах имеет важное значение для воспитания культуры общения в трудовых и учебных коллективах.

Имя как идентификатор этнической принадлежности является важным носителем информации, поэтому любые трансформации имени в иноэтнической среде приводят к дискомфортному психологическому состоянию носителя языка. Например, при фиксации имен нередко происходит чередование гласных и согласных, связанных с

фонетическими процессами в тюркских именах: **Серикбай – Серыкпай, Гульжамал – Кульжамал, Есымкан – Есымхан, Батырбай – Батурбай, Маптука – Мафтуха, Амиржан – Амыржан, Бакытчан – Бакытжан**. Существует и рассогласованность в образовании отчеств от казахских имен: **Зейнульевич и Зейнуллаевич; Кабибуллович, Хабибуллович, Хабибуллаевич, Кабибуллаевич, Кабибулович; Абиевна и Абыевна; Хожаевна, Кожаевна, Кожагельдиновна; Мусаевна и Мусовна** и т. п.

В период развития новых независимых государств на постсоветском пространстве наблюдается рост этнического самосознания тюркских народов, становление ценностных ориентиров, осмысление своей идентичности. Стала возрождаться деятельность национально-культурных объединений. В Тюмени появились новые казахские общества: «Достык», «Бирлик», «Сауле», «Тан», «Арман», «Жулдыз», «Дин», в которых стали преподавать казахский язык для детей, проводить казахские вечера отдыха для казахской молодежи и «Для тех, кому за 30». В процессе глобализации культур происходит их взаимодействие, результатом которого является идентификация культур этносов по ценностным компонентам. Общность культурных интересов облегчает взаимопонимание людей в процессе межэтнического общения, регулирует их. Исходя из этого, тема глобализации культур, проблема взаимодействия и культурной идентификации народов является одной из актуальных на современном этапе. Сегодня не вызывает сомнений, что межкультурный коммуникационный диалог – это процесс передачи межэтнической информации на общем для коммуникантов языке от одного человека к другому или между группами людей по разным каналам и при помощи различных коммуникативных средств (вербальных, невербальных и пр.). Этот процесс может приобретать разные формы в зависи-

мости от числа участников, целей участвующих сторон, используемых каналов, средств, стратегий и пр., поэтому имеются различные модели коммуникации. Сегодня замалчивается тот факт, что Россия, испытывая мощную миграционную нагрузку, становится полем для многовекторной коммуникативной войны, где вопрос статусности языка не является праздным, но отражает витальность той или иной лингвокультуры. В условиях полиязычия, усиления миграционных процессов и прозрачности границ остро встают проблемы государственного, а не стихийного лингво-моделирования языковой личности нового полилингвментального типа. Само функционирование языков в условиях полиэтничного полилога предполагает проникновение языковых культур друг в друга в контексте несформированной полилингвальной и поликультурной языковой личности.

Нельзя не заметить и изменения в сибирско-казахском антропонимиконе. В настоящее время казахи Тюменской области стараются называть своих детей красивыми традиционными именами. Например, Мерген, что в переводе с казахского означает снайпер, стрелок; смысл этого имени – быть зорким, всегда достигать цели, всегда поступать правильно; Мейрам – праздник, веселье; Абдулжалел – в переводе с арабского Абди означает вечный, бесконечный, раб Божий; в переводе с арабского языка жалел – великий, славный, знаменитый, известный, самый красивый; Еламан – слово ел в переводе с казахского – народ, родина, страна, аул; компонент аман означает благополучный, невредимый; Закария в переводе с арабского – упоминание Бога; Касымхан, касым – красивый, прекрасный, хан – царь, глава, правитель.

Возврат к древним традиционным формам сибирско-тюркского именника становится все заметнее и ярче. Казахи и татары стали называть детей именами прабабушек

и прадедушек, стали возвращаться к традиции, когда фамилии образовывались от имени отца или старейшины рода, ведь старшее поколение является в наивысшей степени национальным достоянием тюркских этносов. Как справедливо отмечают Й. Митурска-Бояновска и Л. А. Араева, существуют этнокультурные особенности при выборе имен в зависимости от места рождения и жительства номинатора [8, с. 167–173].

Таким образом, в сибирско-казахском антропонимиконе активно употребляются имена тюркского происхождения, различные по лексико-семантическим и структурным признакам. В именах тюменских казахов отражаются общие национальные черты, при этом прослеживается влияние русского, взаимовлияние татарского и казахского языков в 70–80-х годах XX века и возврат к древним тюркским традициям нареkania новорожденного в настоящее время, который столь необходим как связь с культурными корнями и истоками своего народа, как осмысление своей национальной идентичности в XXI веке.

Мы полагаем, что сложность языковой дистрибуции сибирских татар и сибирских казахов связана с поздним этногенезом, неизученностью сибирских казахов и языковой близостью между сибирскими татарами и сибирскими казаками. Трансформационные процессы, протекающие активно на постсоветском пространстве в сфере функционирования языков, наглядно демонстрируют нам процесс переструктуризации русскоязычного мира. Увеличение миграционных потоков из Казахстана и стран Центральной Азии лишь усиливает интерференционное влияние языков друг на друга. Этнический дискомфорт под воздействием экономического и социально-политического фактора легко перерастает в общественные фобии и оборачивается ростом интолерантных и миграционных стратегий. В то же время этнический комфорт, определяя степень привлекатель-

ности определенного этнотерриториального сообщества, предполагает характерную для конкретного региона исторически выработанную модель оптимальной межэтнической (культурной) дистанции; она не препятствует межгрупповому взаимодействию, но в то же время обеспечивает целостность и эффективное воспроизводство этнических идентичностей.

В целом, межязыковое взаимодействие народов-контактеров в условиях полиэтниче-

ского пространства российско-казахстанского приграничья вырабатывает местный колорит, выраженный условиями региональной материально-духовной культуры и языка. Мы можем сказать, что в зонах интенсивного межэтнического взаимодействия возникают мутуальные явления со стороны обоих языков-контактеров, способствующие при определенных условиях эволюции как самой языковой личности, так и языковых систем в целом.

Литература

1. Астахов О. Ю. Диалог как механизм самоидентификации личности в культуре // *Homo coomunicans II: Человек в пространстве межкультурной коммуникации* / под ред. Кристины Янашек, Йоланты Митурской-Бояновской, Александра Шункова, Барбары Родзевич. – Щецин: Grafform, 2012. – С. 28–32.
2. Жанузаков Т. Казахские имена. – Алматы: Кочевники, 2004. – 334 с.
3. Карабулатова И. С. Казахи / И. С. Карабулатова, Г. К. Чаукерова // *Малая энциклопедия народов Тюменской области: краткий словарь-справочник*. – Тюмень: Вектор-Бук, 2005. – С. 114–122.
4. Карабулатова И. С. Луна и солнце тюркского имени: метаморфозы личных имен / И. С. Карабулатова, С. В. Гузенко, Г. К. Чаукерова. – Тюмень: Вектор-Бук. – 2011. – 154 с.
5. Карабулатова И. С. Языковая личность в трансформирующемся сообществе (на примере билингвов в полиэтничном окружении) / И. С. Карабулатова, К. К. Койше, З. В. Поливара [и др.]. – Тюмень: Вектор-Бук, 2013. – 200 с.
6. Койше К. К. Проблемы сохранения культуры казахского населения в полиэтничном провинциальном городе – Тюмень: АКД, 2008. – 23 с.
7. Кудрина Е. Л. Формирование толерантности как инновационное направление подготовки выпускников вузов культуры и искусств в обществе «Знание» // *Homo coomunicans II: Человек в пространстве межкультурной коммуникации* / под ред. Кристины Янашек, Йоланты Митурской-Бояновской, Александра Шункова, Барбары Родзевич. – Щецин: Grafform, 2012. – С. 139–147.
8. Митурска-Бояновска Й. Этнокультурные особенности названий вывесок мест общественного питания в Польше и России / Й. Митурска-Бояновска, Л. А. Араева // *Homo coomunicans II: Человек в пространстве межкультурной коммуникации* / под ред. Кристины Янашек, Йоланты Митурской-Бояновской, Александра Шункова, Барбары Родзевич. – Щецин: Grafform, 2012. – С. 167–173.
9. Ниязова Г. М. Современное информационное пространство: этнолингвофункциональный подход / под ред. И. С. Карабулатовой. – Тюмень: Печатник, 2007. – 192 с.
10. Чаукерова Г. К. Особенности функционирования сибирскотюркского антропонимикона в условиях полиэтничного пространства (на материале личных имен татар и казахов Тюменской области): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Гульзара Кабибуллолна Чаукерова. – Тобольск, 2008. – 236 с.

Literatura

1. Astakhov O. Yu. The dialogue as a mechanism for self-identification person in the culture // *Homo coomunicans II: The man in the space of intercultural communication*; ed. Christina Yanashek, Jolanta Miturskoy-Boyanovska, Alexandra Shunkova, Barbara Rodzevich. – Szczecin: Grafform, 2012. – P. 28–32.

2. Januzakov T. The Kazakh names. – Almaty: Nomads, 2004. – 334 p.
3. Karabulatova I. S. Kazakhs / I. S. Karaboulatova, G. K. Chaukerova // The small encyclopedia of the peoples of the Tyumen region: A Brief Glossary. – Tyumen: Vector-Book, 2005. – P. 114–122.
4. Karabulatova I. S. The moon and the sun of the Turkic name: Metamorphoses of personal names / I. S. Karaboulatova, S. V. Gouzenko, G. K. Chaukerova. – Tyumen: Vector-Book, 2011. – 154 p.
5. Karabulatova I. S. The linguistic identity in transforming of the community (for example, bilinguals in a multiethnic environment) / I. S. Karaboulatova, K. K. Koyshe, Z. V. Polivara [etc.]. – Tyumen: Vector-Book, 2013. – 200 p.
6. Koyshe K. K. The problems of preservation of culture of the Kazakh population in a multiethnic country. – Tyumen: ACD, 2008. – 23 p.
7. Kudrina E. L. The formation of tolerance as an innovative direction of training the university graduates of culture and the Arts in the company «Knowledge» // Homo coomunicans II: The man in the space of intercultural communication / ed. Christina Yanashek, Jolanta Miturskoy-Boyanovska, Alexandra Shunkova, Barbara Rodzevich – Szczecin: Grafform. 2012. – P. 139–147.
8. Miturska-Boyanovska J. Ethnocultural specific name of signboards cafés in Poland and Russia / J. Miturska-Boyanovska, L. A. Araeva // Homo coomunicans II: The man in the space of intercultural communication / ed. Christina Yanashek, Jolanta Miturskoy-Boyanovska, Alexandra Shunkova, Barbara Rodzevich. – Szczecin: Grafform, 2012. – P. 167–173.
9. Niyazova G. M. The modern information space: ethnolingvofunctional approach / ed. I. S. Karaboulatova. – Tyumen: Printer, 2007. – 192 p.
10. Chaukerova G. K. The peculiarities of functioning the sibirskotyurkskogo antroponimikona in time. The space (based on material of the personal names of Tatars and Kazakhs Tyumen region): dis. ... candidate of philological science: 10.02.02 / Gulzara Kabibullovna Chaukerova. – Tobolsk, 2008. – 236 p.